

Предки кошек происходили из пустынь, и рыба не входила в их изначальный рацион. Однако вкус рыбы невероятно притягателен для кошек, и они быстро к нему привыкают. Пэй Мяо уже пробовал рыбу, и, едва вспомнив её изысканный вкус, он не мог сдержать слюноотделения.

Но рыба, которую готовили дворцовые повара, проходила жестокую обжарку в масле, была слишком жирной и пряной — для кошачьего желудка не годилась. Пэй Мяо пришлось довольствоваться меньшим: он протянул пушистую лапку к крупной креветке.

Если он не ошибался, это была большая креветка-деликатес.

Гу Циянь понял его намёк и взял креветку, чтобы очистить.

Его пальцы были длинными и изящными, кожа — безупречной, и сам процесс очистки выглядел изящно. Не прилагая видимых усилий, он освободил нежное мясо от панциря, оставив лишь маленький хвостик.

— Держи, я покормлю тебя, — с улыбкой в глазах произнёс Гу Циянь, держа креветку за хвостик. Вид у него был самый довольный.

Пэй Мяо посмотрел на креветку у своего рта, затем на Гу Цияня, держащего её. Чувствовалась какая-то странная, двусмысленная атмосфера, но в чём именно она заключалась — понять не мог. Махнув на это лапой, он разинул рот и «ам!» — проглотил креветку целиком. Щёки его раздулись, пушистые усы зашевелились — зрелище вышло невероятно милым.

Все в Линьхуа едва сдерживали желание взвизгнуть от восторга. Чёрт побери, как же Господин Наставник может быть таким очаровательным? Не только сам процесс еды, но даже эти несколько усиков сводят с ума! Как после этого жить?

Четвёртый принц, с тоской наблюдая, как его старший брат кормит облюбованную им «невесту», чуть не пустил слюни. Он отложил палочки, подбежал к Гу Цияню и, ухватившись пухлой ручкой за его подол, принялся умолять жалобным голоском:

— Братец, и я хочу поддержать Господина Наставника и покормить его.

Мягкий, детский голосок, полные надежды глазёнки — отказать было невозможно.

Гу Циянь несколько секунд смотрел на четвёртого принца, затем тонкие губы его разомкнулись:

— Нельзя.

Едва прозвучали эти слова, как Пэй Мяо увидел, как большие глаза мальчика наполнились влагой, а губки задрожали — вот-вот заплачет.

— Впрочем, если Господин Наставник не возражает, ты можешь его покормить. Но держать на руках — ни в коем случае.

Император Цинлун: «...»

Придворные дамы и принцы: «...»

Наложница Чжэнь: «...» Молодец, сынок!

Четвёртый принц мигом просиял, задорно вскинул пухлое личико и сладко улыбнулся —

ямочки на щеках могли убить наповал.

— Господин Наставник, можно Чжэню тебя покормить?

Пэй Мяо: «...» Мог ли он отказать? Разве совесть позволила бы?

Совесть Господина Наставника болела ровно две секунды, после чего он решительно разинул рот. В конце концов, он сейчас — всего лишь кот, четырёх месяцев от роду. Если его кормит пятилетний ребёнок — ничего постыдного. Шерсть густая, покраснения не видно. А что до чувства собственного достоинства...

С тех пор как он превратился в кота, это понятие вообще перестало для него существовать!

После того пира в Чертоге Юннин появился ещё один завсегдатай.

Каждое утро, едва открыв глаза, Пэй Мяо видел перед собой пухлое личико, а в уши ему лился сладкий голосок:

— Господин Наставник, проснулся? Чжэнь принёс тебе слоёный пирожок.

Каждый раз, закапывая «следы преступления» в кошачий наполнитель, он натыкался на пару любопытных глаз, пристально наблюдающих за процессом, и слышал наивный вопрос:

— Господин Наставник, а почему твои ка-кашки такие, как бамбуковые коленца?

Каждый вечер, вылизывая перед сном лапки, он обнаруживал на своей постели «пухлого червячка», который с умоляющим видом катался по одеялу:

— Господин Наставник, можно Чжэню с тобой поспать? Я расскажу тебе сказку на ночь.

В такие моменты неизменно появлялся Гу Циянь, хватал четвёртого принца за шиворот и выбрасывал из Чертога Юннин, словно метеор, исчезающий в ночной тьме.

После нескольких подобных случаев Пэй Мяо предпочёл перебраться в Дворец Чансинь к Гу Цияню, а ночевать стал в его Чертоге Линьхуа. Это полностью устраивало кое-кого, и тот даже стал относиться к четвёртому принцу куда благосклоннее. Со временем император стал смотреть на это сквозь пальцы, а императрица ничего поделывать не могла. Так что евнух Ван теперь днём нёс службу в Чертоге Юннин, а ночью — в Чертоге Линьхуа, совмещая множество должностей и пребывая в вечной занятости.

Но Пэй Мяо был Наставником, обременённым чувством приличия. Самому лезть в чужую постель он не мог. Поэтому Гу Циянь распорядился изготовить для него специальную кроватку.

Кроватка была меньше метра в длину, очень изящная и аккуратная. Все постельные принадлежности подбирались со строжайшим тщанием: розовая подушечка размером с ломоть хлеба, украшенная вышитой мордочкой кота; одеяльце того же цвета, сшитое из натурального шёлка — прохладное и воздушное для летней жары; а простынь — яблочно-зелёная, с вышитыми пушистыми соцветиями одуванчика. В сочетании с розовым получалась картина, полная детской непосредственности.

Кроватку поставили рядом с ложем Гу Цияня, на одинаковой высоте, вплотную, почти без зазора. Стоило лишь повернуть голову — и они видели друг друга.

Ночью, когда светильники гасли, Пэй Мяо лежал на своей персональной кровати, укрытый одеяльцем, в маленькой ночной шапочке, пытаясь заснуть.

За окном стрекотали сверчки, их переливчатые трели смешивались с шелестом бамбуковых листьев на ветру. В полудрёме звуки то приближались, то отдалялись. Рот его непроизвольно приоткрылся, обнажив несколько мелких белых зубок. Розовый носик слегка вздрагивал. Вид был до безумия милый.

Чем дольше Гу Цянь смотрел, тем сильнее его охватывало нежное чувство. Подперев голову правой рукой, он лежал на боку и при лунном свете мысленно обводил контуры спящего кота: два треугольных ушка, прямой носик, сложенные на одеяле лапки, животик, мерно вздымающийся в такт дыханию... Каждая деталь вызвала бесконечную нежность.

— Мяомяо, спишь? — Голос Гу Цяня прозвучал в ночной тишине, прохладный, с лёгкой усмешкой, бархатистый и приятный на слух.

Пэй Мяо, не открывая глаз, промяукал в полудрёме — мягко, по-детски капризно.

Гу Цяню стало смешно, и, поддавшись игривому настроению, он позвал снова:

— Мяомяо?

Как и ожидалось, в ответ послышалось мягкое:

— Мяу...

— Мяомяо?

— Мяу...

— Мяомяо?

— ...

— Мяомяо?

Пэй Мяо, раздражённый, нахмурился, недовольно похныкал и повернулся на другой бок, прикрыв уши обеими лапками. Белые подушечки слегка согнулись, прижав коричневатые ушки, — и в мгновение ока Господин Наставник превратился в вислоухого кота.

Гу Цянь тихонько рассмеялся, придвинулся ещё ближе, пальцами отодвинул кошачью лапку, а затем принялся легонько мять упругую подушечку, беспечно забавляясь.

Пэй Мяо от щекотки заворчал, попытался вырваться, но безуспешно — и сдался.

Когда он уже почти провалился в сон, кто-то снял его лапку с уха, и в ушах прозвучал чистый голос Гу Цяня:

— Мяомяо, завтра пойдём со мной в Императорскую школу.

В Императорскую школу? Разве не там учатся принцы и принцессы? Он же не сопровождающий, зачем ему туда?

Пэй Мяо мысленно вздохнул, с трудом приоткрыл глаз и лениво пробурчал:

— Мяу... — Не пойду.

Однако Гу Циянь не понял. И, к счастью, не понял. Посему второй принц, получив отказ, продолжал с энтузиазмом мять кошачьи лапки и снисходительно изрёк:

— Мяомяо согласился? Вообще-то я уже договорился с Великим наставником: если ты придёшь, место для тебя будет рядом со мной.

«...» Пэй Мяо не находил слов. Гу Циянь явно действовал по принципу «сначала сделал, потом доложил». Для человека, отравленного экзаменационной системой почти двадцать лет, перспектива вновь быть ввергнутым в школьное перевоспитание была отвратительна.

И потому Господин Наставник, питавший глубокую ненависть к учёбе, торжественно поднялся и заявил протест:

— Мяу! — Не пойду!

Но Гу Циянь, чьи познания в кошачьем языке оставляли желать лучшего, вновь ошибся в толковании. Нежно почесывая Пэй Мяо под шёрсткой на подбородке, он успокаивающе промолвил:

— Мяомяо, не волнуйся, завтра я обязательно возьму тебя с собой. Не знал я, что ты такой прилежный ученик. Мне стоит у тебя поучиться.

Пэй Мяо готов был взвыть. Это было хуже, чем «глухой с немым говорит». Он и Гу Циянь просто не могли найти общий язык.

Уныло посмотрев на Гу Цияня взглядом, полным скорби, он растянулся во всю длину и с глухим стуком плюхнулся на кровать, изображая мёртвого.

<http://bllate.org/book/16288/1467838>